

А.Р. Притомская

*(Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация)*

ПРОБЛЕМА ЭТИЧНОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТА В ТВОРЧЕСТВЕ М. БУЛГАКОВА

В XX веке мир осознал истинную цену научного прорыва. Проект «Солнечный свет», эксперимент в Уиллоубруке и другие заставили человека задуматься о соотношении науки и этики. Допустим ли неэтичный эксперимент, если на кону настоящий прорыв? Этот вопрос, кажется, в большей степени затрагивает зарубежные произведения Р. Брэдбери, Ф. Дика, К. Воннегута и др. Однако вопрос этичности эксперимента и ответственности за его последствия поднимали отечественные писатели, в частности, М.А. Булгаков. Любовь Михаила Афанасьевича к медицине и сатире дали выдающиеся творческие плоды в виде повестей «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Написанные с небольшой разницей в 1924–25 гг., произведения объединены проблемой этичности эксперимента над живым существом.

Описывая главного героя «Роковых яиц», Булгаков рисует однозначно отрицательный образ: профессор Персиков, говорящий на 4 языках, кроме родного русского, посвятил свою жизнь «голым гадам» [1]. И такое описание его страсти рефреном проходит через всю повесть. Едва ли Персикова можно назвать человеком, он по своей природе Человек Исследующий, промежуточный вид. Даже лежа в лихорадке профессор думает о Суринамской жабе. Человеческие качества в нем, наличие символичной для Булгакова лампы под зеленым колпаком и слезы по почившей бывшей жене, – атавизм, отвлекающий от работы. И хотя вся жизнь Персикова посвящена «голым гадам», он действительно любит этих странных существ и питает к образцам привязанность, профессор не испытывает ровным счетом ничего, распиная живую лягушку.

Булгаков, видя в земноводном чувствующее существо, персонифицирует ее, наделяет лягушку мыслью, речью и сознанием. Перед смертью, замученная, она вербально выражает ненависть к ученым, ее препарировавшим: «Сволочи вы, вот что...» [1]. Так автор, возможно, сам не раз проводивший такие эксперименты, обучаясь медицине, выражает свою однозначную позицию к бесчеловечности Персикова. Лягушка при этом распята, как символ жертвы всех подопытных животных, отправленных на заклятие во имя человеческой науки.

Совершенно иные чувства у профессора вызывают его инструменты: «Побледнел и занес руки над микроскопом, так, словно мать над дитятей, которому угрожает опасность» [1]. Булгаков прибегает к очень яркому и довольно однозначному сравнению, чтобы описать качества этого нового вида, Человека Изучающего. Живые подопытные, медленно умирающие от болевого шока под светом кабинетной лампы, не вызывают сочувствия в Персикове, в отличие от микроскопа, где сосредоточено все его существо. Открыв луч жизни, профессор отмечает: «Выжившие были ужасны» [1]. Но этот ужас ничуть не смущает ученого. Единственное сомнение, омрачившее за все время ход его эксперимента, была «маленькая заминка» – вопрос авторских прав на исследование [1].

Окружающие описывают происходящее как «чудовищное», но ни это, ни хаос, создаваемый экспериментом, ни однозначные предзнаменования зла – «На морде жабы даже после смерти было злобное выражение» – ничто не смутило Персикова. Разросшуюся популяцию подопытных ученых приказал вытравить «ядами», чтобы не мешали работать.

Отношению Персикова к животным Булгаков противопоставляет деревенских жителей, которые носятся за курами, отпаивая их и приговаривая ласковые слова, чтобы избавить несушек от куриной чумы. Здесь, вдали от университетского кабинета, животным отдают должное, ведь от них зависит сама жизнь. Описывая животных, автор прибегает к антропоморфизму: «вид у ужа был такой, словно тот собрался куда глаза глядят, лишь бы только уйти» [1]. «Голые твари» обладают самосознанием, развитой чувственно-эмоциональной сферой и подобием верований («хохлатка закатывала грустные глаза на солнце так, как будто видела его в последний раз»). Эта дихотомия живое-неживое, где живое представлено зверями, подчеркивает духовное омертвление ученого. Персиков, в отличие от той же умирающей хохлатки, на протяжении текста почти не проявляет глубоких эмоций, не проявляет гуманизма — всего того, что ожидается от человека «высокой культуры», каким должен быть профессор. В этом аспекте он проигрывает Преображенскому, прототипом которого выступил и который способен на эмпатию и сочувственность.

Одновременно с чудовищными экспериментами Персикова в губерниях начинается мор, который скоро переходит на всю страну и передается от животных к людям. Булгаков, как человек верующий, выросший, несмотря на советский атеизм, в религиозной семье и известный обилием христианских мотивов в своих произведениях, вводит в повествование отсылку к Апокалипсису и его предзнаменованиям. Описание происходящего также можно связать с чашами гнева Апокалипсиса: обилие крови, язвы и иссушающий зной. Автор намеренно связывает эти два события, чтобы выразить свое отношение к эксперименту: подобное вмешательство нарушает мировую гармонию так в биологическом, так и в христианском дискурсе. Не зря существа, создаваемые лучом, описаны как «злые», что имеет смысл только в парадигме, где добро и зло разграничено. Простые жители деревни, далекие от зоологической науки, так же определяют эксперименты как пришествие Антихриста. Персиков во всем этом хаосе поддается греху гордыни, теряет все человеческое и «срезает» студента одного за другим [1]. Важное во всех отношениях спасение кур профессора раздражает, он с большой неохотой отправляется заниматься чем-то для него бесполезным, отвлекающим от главного эксперимента.

Сатирическая составляющая повести поистине блистательна: человек, взявший на себя роль творца, создателя новой жизни и покорителя вселенной, обращает мир в хаос по простому человеческому недосмотру – ящики с яйцами оказались перепутаны. В описании последствий роковой ошибки также изобилуют яркие описания надвигающейся беды: птицы покидают деревню, на мир опускается тревожная «зеленоватая ночь» [1], а из яиц в лучших библейских традициях вылупляются гады. Эксперимент завершается в зимнем саду, как в символе рукотворного Эдема, где человек, подобного Творцу, создает искусственную, улучшенную для социализма жизнь, но терпит поражение из-за собственной эмоциональности и невнимательно-

сти. Персиков же погибает в хаосе, созданном им самим, и уносит секрет луча жизни в могилу. Эта развязка дает понять: автор придерживается твердой позиции относительно неэтичных экспериментов. Булгаков не просто сочувствует животным, распятым во имя человеческой гордыни, он считает, что подобное вмешательство в принципе не допустимо. Нарушение природного баланса ведет к полному разрушению экосистемы, затрагивающему даже человека, который, казалось бы, как царь пищевой цепи, стоит непоколебимым особняком.

Более конкретно эта позиция выражена в повести «Собачье сердце». Здесь расстановка сил меняется по той причине, что Булгакову необходимо было выразить иную, более социально ориентированную идею, нежели в «Роковых яйцах». Теперь профессор – персонаж однозначно более симпатичный автору, он носит говорящую фамилию Преображенский. Понятие «преображение» несет позитивный смысл как со светской, так и с религиозной точек зрения.

Говорящим является и его имя – Филипп – имя апостола-целителя и воскрешателя мертвых. Преображенский более сочувствующий, более ласковый человек. Он способен на сопереживание и привязанность. В его образе меньше сатирического, чем в образе Персикова. Филипп Филиппович уважает жизнь и является противником насилия в отношении животных. Профессор даже привязывается к Шарикю, но разительно преобразуется, переступив порог операционной. Он деловито распоряжается органами умерших людей и животных, очень легко относится к возможной смерти на операционном столе и рассуждает об этом холодно и трезво, как о ходе эксперимента. Преобразуется ученый и внешне, в тексте по отношению к нему не менее трех раз употребляется эпитет «страшен». Филипп Филиппович мог бы стать Человеком Изучающим, подобно Персикову, не будь у него такого воспитания и окружения. Такого, какое имел сам Булгаков. Шарик же, как жабы и ужи в «Роковых яйцах» имеющий самосознание, память и мышление, описывает Преображенского как «божество» или «жреца», как кого-то, кому позволено вмешиваться в таинство жизни и смерти [1]. Рождение Шарикова приходится на 7 января, что усиливает впечатление как от значимости совершенного, так и от его богохульности. Эксперимент вызывает ужас у всех его участников: Филипп Филиппович падает в обморок, а рука Борменталья срывается, когда он пишет в журнале наблюдений «чудовище».

Вопрос «Зачем создавать новую жизнь?» в повести остается без ответа (ведь Спинозу можно просто родить, по словам Преображенского [1]). Равно как и в «Роковых яйцах», учеными здесь движет научный интерес, любопытство, поиск границ их возможностей и власти. Преображенский переступает через все человеческое, через свою собственную привязанность, оперируя Шарика. Но так как профессор стоит как личность на более высокой нравственной ступени, чем Персиков, Булгаков дает своему персонажу шанс решить проблему, вынесенную в заглавие нашей работы, относительно правильно. Преображенский вербально выражает позицию автора: «Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподнимает завесу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей» [1].

Попытка улучшить природу не приводит, по мнению Булгакова, ни к чему, кроме ее разрушения, ведь идеальное улучшить невозможно. Решение возникшего конфликта, однако, является «преступлением» не меньшим, чем действия, его по-

родившие. Здесь и возникает проблема ответственности за последствия неэтичного эксперимента: можно ли искусственно созданных людей считать людьми в полном смысле, нужно ли нести ответственность за их жизнь, как за жизнь собственных детей, или как за жизнь обычных людей? Но это вопрос, поднятый еще Мэри Шелли, остается без ответа и в XXI веке. Шарик здесь субъект и личность, какими были и гады Персикова. Пусть собака и находится на низшей ступени развития, она заслуживает, по убеждению Булгакова, сочувствия и уважения. Для бытия «человеком» недостаточно просто иметь развитые психические функции, нужно иметь достаточно высокий уровень духовного развития, который и проявляется в этичном отношении к якобы низшим формам жизни. С собаки спрос маленький, у нее в повести есть «собачье» сердце, полное, однако, теплоты и преданности, хотя и нет «мозга». С мозгом же собака превращается в человека без сердца. И этот баланс в искусственной форме жизни никак не может быть достигнут, что влечет за собой страдания и животных, и людей.

В своем искрометном стиле, совмещающем живой юмор и элементы драматизма, Михаил Булгаков исследует злободневный для своего времени вопрос этичности вмешательства человека в естественный ход жизни. Автор приходит к выводу, что исследование мира не нарушает его целостности и постоянства, в отличие от продиктованных гордыней человека, как «высшей» формы жизни, попыток природу улучшить, которые разрушают и без того хрупкое равновесие в экосистеме.

Литература

1. Булгаков, М.А. Роковые яйца. Собачье сердце / М.А. Булгаков. – М.: Изд-во «АСТ», 1998. – 352 с.
2. Вохидова, Ш.Ш. Медицинские сюжеты в произведениях М.А. Булгакова (К 125-летию со дня рождения М.А. Булгакова) / Ш.Ш. Вохидова, О.Л. Сигайло, В.С. Яшина // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – № 5, 2016. – 497 с.
3. Менглинова, Л.Б. Социально-философская сатира в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» / Л.Б. Менглинова // Вестник Томского государственного университета, 2007. – № 295. – С. 29–35
4. Фомин, А.Ю. Философские аспекты прочтения художественного произведения: смысл названия повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» / А.Ю. Фомин // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. – Волгоград, 2016. – С. 23–24.